

T.A. Davydova

Baikal State University, Irkutsk

The article deals with the reasons of expressing conflict intention of reproach implicitly and defining the possible language means of expressing it. By analyzing the conversational turns the author considers interdependence between the utterances of reproach and apology as an acceptable way of image restoration. In case of communicative failure reproach ends with conflicts, scolding, insulting etc.

Key words: *reproach, conflict intention, implicit ways of expressing reproach, communicative failure, the reproaching person, the reproached person, image restoration strategies.*

Об авторе:

ДАВЫДОВА Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Байкальского государственного университета, *e-mail:* davtat@inbox.ru

УДК 81'37

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ
УТОПИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА О МИРЕ
В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ XVI в.**

Н.П. Дронова

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
Тамбов

В статье исследованы когнитивные механизмы концептуализации и лексической категоризации утопических представлений о жизни и человеке в обыденном сознании немецкого этноса XVI в., показана роль иронии и гротеска в оценочной концептуализации образа жизни и свойств человека.

Ключевые слова: *мир утопии, ориентационная метафора ВЕРХ- НИЗ, ирония, гротеск.*

Когнитивно-дискурсивный подход к исследованию языка как важнейшего способа хранения и переработки информации о мире и человеке позволяет выделить сложный комплекс знаний, закрепленных «в содержании языкового знака коллективным символическим освоением того или иного фрагмента действительности» [Карасик 2010: 5], а также контекстуально-обусловленных смыслов, формирующихся под влиянием интра- и экстралингвистических факторов. Многомерность языкового знака, его структурная многослойность понимается лингвистами как синтез понятийного, образного и ценностного смыслов (Ю.С. Степанов, С.Р. Воркачев, В.И. Карасик, В.В. Красных и др.), репрезентирующих специфику мировосприятия

этнуса, особенности интерпретации реальной действительности. Представления о мире утопии в европейской культуре известны со времен Античности, однако кульминационным моментом для формирования и развития утопических представлений является Эпоха Ренессанса в связи с антропоцентрическим поворотом. Место, которого нет, по другой версии, благо и топос, место, т.е. благословенная страна, становятся темой многочисленных разножанровых произведений, при этом наряду с позитивно-оценочным толкованием мира мечты в XVI-XVII вв. появляются тексты с негативной оценкой. «В них проявляется ирония авторов или самоирония народа, осознающих смехотворность и нереальность подобных представлений о крае, где нет необходимости работать. Он заселяется пьяницами, бездельниками, чревоугодниками, и его описание выполняет нравоучительную функцию - предостеречь людей от превращения в подобных существ» [Силантьева 2006: 6].

В данной статье представляется целесообразным остановиться на описании вербальных репрезентаций утопических представлений на материале известного шванка *Schlauraffen landt* (1530) немецкого драматурга, поэта XVI в. Г.Сакса, в центре внимания которого оказываются обыденные стереотипы о лучшей жизни, базирующиеся на представлениях, сформированных в рамках наивной картины мира. Автор использует богатый арсенал образно-оценочных лексических образований (метафора, метонимия, оксюморон и др.). Важнейшее место в оценочной концептуализации человека занимают ирония и гротеск, которые как способы оценочной концептуализации выявляются на основе лингвокогнитивной интерпретации контекста, поскольку ирония и гротеск – это способы иносказания. Когнитивные признаки иронии – двусмысленность, подмена одного смысла другим, противоречие между формой и содержанием (Ср.: [Иваненко 2011: 4]). Механизмом формирования гротеска является предельное преувеличение, придающее образу фантастический, неправдоподобный характер. В рамках исследуемого дискурса нередко наблюдается концептуальное взаимодействие гротеска и иронии, их смысловое переплетение друг с другом, что позволяет во многих случаях говорить о гротескно-иронической концептуализации. Если ирония как иносказание выявляется преимущественно путем интерпретации высказывания в целом, хотя не исключаются и лексические средства экспликации, то гротеск может быть представлен эксплицитно гиперболой, литотой, оксюморонами и др. Метафора и метонимия относятся к конституирующим средствам в экспликации иронически-гротескной концептуализации.

Уже на уровне заголовка шванка *Schlauraffen landt* выделяются два ключевых концепта «ПРОСТРАНСТВО/МЕСТО ОБИТАНИЯ – ЗЕМЛЯ» и «СУБЪЕКТ НЕ ДЕЙСТВУЮЩИЙ - ЛЕНИВЫЙ». В номинации доминирует антропоцентрический аспект, речь идет не только о земле, но и прежде всего о человеке со всеми его слабостями и недостатками. Ироническая коннота-

ция понятия Landt детерминирована субстантивным атрибутом, обозначающим субъект, населяющий данную землю – Schlauraffe. Немецкие германисты Ф. Клуге, Г. Пауль подчеркивают, что этимологически первый компонент композита средневековой формы Schlauraffe – slug имеет значение Faulenzer, faule Person (лентяй), второй компонент – Affe (обезьяна) является также образным негативно-оценочным обозначением, сформированным на основе переноса ряда ассоциативных признаков, свойственных животному (обезьяне), на сферу психофизических свойств человека. В целом, слово slug-affe в XIV в. использовалось как ругательство для обозначения пышно и бездумно живущего бездельника (üppig und gedankenlos lebender Müßiggänger) по аналогии с Gähnaffe, Maulaffe (ротозей, дурак) [Kluge 1934: 522; Paul 1959: 510]. ПРОСТРАНСТВО обитания человека Landt метафорически концептуализируется как некое ВМЕСТИЛИЩЕ [Лакофф http] с неопределенными границами, намеченными лишь контурно, при этом в качестве некоторой топографической точки его расположения используется темпоральное понятие – наименование любимого в Европе христианского праздника Рождества. Например: Das ligt drey meyl hinder Weihnachten. Количественный маркер drey meyl (три мили), указание направления месторасположения земли hinder (за) благоприятствуют восприятию ситуации как реальной, однако последующее употребление номинации Weihnachten, вызывающей в обыденном сознании ассоциации праздничного настроения, обильного потребления еды и напитков, бездеятельности предопределяет иронически-гротесковый характер описания вымышленного пространства «где-то в трех милях за Рождеством». Заметим, что упоминание Weihnachten в тексте не случайно, праздник масленицы (Fastnacht, Fasching), которому посвящены многие фастнахтшпили Г.Сакса, темпорально расположен «где-то за Рождеством» (в конце января-начале февраля).

СУБЪЕКТ вербализуется в тексте в основном лексическими единицами с обобщающей, не конкретизирующей семантикой: местоимения wer (кто), welcher, (какой), man (кто-то), jener (тот, который) эксплицируют признак принадлежности каждого к происходящему в этом карнавальном пространстве. Лишь номинация Bawern («крестьянство» Bauern в современной орфографии) конкретизирует социальный слой, к которому апеллирует автор. Мотив – «**п л о д о р о д и я**, как самой могучей и крепкой силы» (М.Бахтин) вербально представлен метафорой РОСТА применительно к крестьянству, составляющему основу социальной структуры позднего средневековья и начала Нового времени. По аналогии с миром природы в волшебной стране крестьяне «растут на деревьях» wachsen auf den bawmen, т.е. население размножается как и природа: So wachssen Bawern auff den bawmen, Gleych wie in unserm land **die pflaumen**. Количественная характеристика населения выражается не числом, а наиболее доступным для понимания образом «множества» на основе сравнения с плодами сливы gleych wie die pflaumen. Крестьяне не только растут, но и «падают», подобно плодам

с дерева и попадают в желанное «ВМЕСТИЛИЩЕ» – Stiffel (сапоги). Например: Wens zeytig sind, so fallen s' ab, Jeder in ein Paar Stiffel rab. В высказывании предлагается фантастический образ «попадания в сапоги» с иронически-позитивной оценкой автора, его незлобивой насмешкой.

«Перевернутый мир» (М. Бахтин), характерный для карнавала, отчетливо показан автором в описании образа жизни в «земле лентяев», ориентационная метафора ВЕРХ – НИЗ [Лакофф [http](http://)] в фастнахтшпиле приобретает противоположный смысл: ключевые концепты ВЕРХА смещаются вниз, а концепты НИЗа «поднимаются» вверх. Так, ПОРОК – ЛЕНЬ (символ всякой бездеятельности) всячески поощряется и оценивается в «земле ленивых» со знаком (+), а ДОБРОДЕТЕЛЬ/ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К МИРУ отрицается (-). Всеобщий СОН как основной компонент бытия вербализуется иронически-окрашенным метонимическим сочетанием Polster schlaffen (сон в мягкой постели), включающим в качестве определяющего компонента Polster. Прилагательное gemein (всеобщий) гротескно эксплицирует всеобщность сна как состояния удовольствия и бездействия – предел мечты. Ср.: Das Polster schlaffen ist gemein. Вторым релевантным компонентом образа жизни в данной земле является отсутствие трудовой деятельности во всех сферах (ЛЕНЬ). Например: Im lauffen gwindt der letzt alleyn. Занятый последнее место der letzt в общепринятой шкале оценок оценивается со знаком (-), однако в данном случае «последний» воспринимается победителем. В когнитивном плане сочетание der letzt с глаголом gewinnen (побеждать) представляет собой оксюморон, предполагающий интеграцию противоречивых смыслов «движения и сопротивления движению», что способствует созданию комического образа с иронической коннотацией. Аналогично побеждает тот, кто стреляет дальше всех от намеченной цели, показывая, таким образом, отсутствие всякого умения. Ср.: So zu dem zyl schießen die gest, **Der weytst** vom blat gewinnt das best. Прилагательное в превосходной степени **weytst**, best дополняют гротескное описание сложившихся нравов в земле ленивых, тот, кто в цель не попал, тот считается лучшим.

Следствием бездеятельности является ЗАПУЩЕННОСТЬ домашнего хозяйства. Негативно-оценочная характеристика ведения домашнего хозяйства гротескно дана в перечислении номинаций насекомых – паразитов человека и животных (блох, вшей, клопов, крыс и мышей), заполнивших пространство жизни, на которых ведется «охота» Weidwerk. Ср.: Ir Weydwerk ist mit Flö und Leusn, / Mit Wanzen, Ratzen und mit Meusn. Важное место в концептуализации образа жизни в «земле ленивых» занимают ДЕНЬГИ. Сложившиеся стереотипы в Шлараффии связаны с желанием иметь много денег, не прикладывая усилий: ленивый и спящий получает за каждый час лежания на боку два пфеннинга: Auch ist im Land gut gelt gewinnen: /Wer sehr faul ist und schlefft darinnen, /Dem gibt man von der stund zwen pfennig. В высказывании разговорное сочетание gut gelt gewinnen используется в ироническом смысле - «хорошо = много и легко» заработать, что поясняется в

последующем контексте: оценочный квалификатор с усилительной частью *sehr faul* и глагол *schlafen (schlefft)* в сочетании с наречием места (ВМЕСТИЛИЩА) *darinnen* эксплицитно вербализуют состояние бездеятельности (сна) субъекта в отграниченном от реального мира пространстве. Принцип логически-смысловой «обратности» с позиции здравого смысла способствуют усилению гротескности изображения ситуации, ее комической оценочной интерпретации.

Гротеск вербализуется сниженной лексикой, обозначающей различные физиологические проявления тела человека, оцениваемые в денежной форме. Например, *Furtz – груб.* выходящие из кишечника газы, стоят «бингер геллер»; *gröltzer (Rülpsen)* – отрыжка оценивается талером: *Ein Furtz gilt einen Binger haller, / Drei gröltzer einen Jochims Thaler.* Оксюморон строится на совмещении знаний из финансовой бытовой сферы со знаниями о физиологии человека, телесности, что направлено на усиление комически-гротескного эффекта воздействия. Конкретные наименования денег, распространенные в землях Германии в эпоху позднего средневековья, приближают сказочный мир к реальности и характеризуют историко-культурный контекст. Получение денежных средств не за труд, а за безделье (сон, физиологические проявления) способствует смещению контекста в сферу фантастичности ситуации, ее гротескности и комичности.

Виды деятельности, оцениваемые в общепринятой шкале нравственно-этических норм негативно, занимают в мире мечты позицию ВЕРХА. *Für eyn groß lüg geuyt man eyn Kron.* Большая ложь оплачивается кроной. Также вознаграждаются пустые разговоры: *Und welcher wol die Leut kan fatzn, Dem gibt man ein Plappert zu lohn.* Разговорно-окрашенный глагол *fatzn* вербализует смысл «пустого, бессмысленного говорения», в свою очередь вознаграждение обозначается иронически существительным *Plappert* (досл. один «болтун» по аналогии с денежными единицами), образованным от звукоподражательного глагола *plappern* (болтать, тараторить). Ср.: *plappern – viel und nichts sagend daherreden, schwatzen* [Wahrig 2006: 1145].

Наиболее распространенные пороки человека (лень, глупость, обжорство и др.) высмеиваются автором путем привлечения социальной метафоры, прирастающей негативно-оценочной коннотацией. Так, лексические единицы, репрезентирующие ВЕРХ социальной структуры позднего средневековья *König* (король), *Fürst* (князь), *Graf* (граф), *Ritter* (рыцарь) воспринимаются в обыденном сознании как позитивно-окрашенные номинации. Однако в рамках текста они используются в качестве оценочных квалификаторов негативных свойств человека, перечисленных автором в шванке: *der Faulest* ленивейший считается королем, *wüst* пустой, *wild und unsinnig* дикий и глупый – князем, обжора – графом и т.д. Бездеятельность, запущенность в хозяйстве, сонное времяпрепровождение, ложь, пустая болтовня, порочность человека занимают в оценочной шкале чудесной земли позицию ВЕРХА. Двойственный смысл приведенных высказываний заключается в том, что

эксплицитно оно содержит открытое утверждение о возможности подобных явлений в повседневной жизни, вызывающих их реальное узнавание, вместе с тем, иронически-гротескная интерпретация подобных явлений направлена на их дидактически-поучительное искоренение с позиций протестантской этики. Таким образом, лингвокогнитивный анализ вербальных репрезентаций утопических представлений и стереотипов в обыденном сознании крестьянина 16в. показал, что в языковом плане для репрезентации ключевых концептов мира утопии автором используется широкий арсенал лексических единиц, семантически связанных с обыденным восприятием повседневного бытия, окружающей реальной действительности определенного исторического среза, ее интерпретации. В основе концептуализации лежат образы, прежде всего, мира ПРИРОДЫ и мира самого ЧЕЛОВЕКА, его телесный и конкретно-чувственный опыт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иваненко, Т.И. Лингвокогнитивный анализ иронии в авторском диалогическом дискурсе романа «Ярмарка тщеславия» У.М. Теккеря: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т.И. Иваненко; Ун-т Российск. Акад. образования. – М.[б.и.], 2011. – 30 с. – На правах рукоп.
 2. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем [Электронный ресурс] Дж. Лакофф, М. Джонсон. – URL: <http://www.twirpx.com/file/1684226/>
 3. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2010. – 351с.
 4. Силантьева О.Ю. Страна Кокань и Шлараффия во французской и немецкой литературе XVIII-XIX вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03/ О. Ю. Силантьева; Российск. гос. гуманитарн. ун-т. – М.[б.и.], 2006. – 297 с. – На правах рукоп.
- ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
5. Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Fr. Kluge. – Elfte Auflage. – Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter u. Co. 1934. – 740 S.
 6. Paul H. Deutsches Wörterbuch / H. Paul. – Halle/Saale, 1959. – 782 S.
 7. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch / G. Wahrig. – Gütersloh, 2006. – 1728 S.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Sachs H. Meistergesänge, Fastnachtspiele, Schwänke / H. Sachs. – Stuttgart, Philipp Reclam jun. GmbH & Co, 1999. – 84 S.

VERBALIZATION OF UTOPIAN IDEAS ABOUT THE WORLD IN ORDINARY CONSCIOUSNESS OF THE 16th CENTURY

N.P. Dronova

Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov

The article examines the cognitive mechanisms of conceptualization and lexical categorization utopian conception of life and man in the common consciousness of the German ethnic group of the 16th century, the role of irony and the grotesque in the evaluation of the conceptualization of the lifestyle and properties of the person.

Key words: world of utopia, orientational metaphor up - down, irony, grotes-

que.

Об авторе:

ДРОНОВА Нина Петровна – кандидат филологических наук, профессор кафедры лингвистики и зарубежной филологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, *e-mail*: dronovanina@yandex.ru

УДК 81.27

**ФЕНОМЕН «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ»
КАК ВЫРАЖЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ СТРАНЫ**

(на примере Франции и Великобритании)

О.Р. Жерновая, О.А. Смирнова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород

В статье авторы затрагивают такое явление как «политическая корректность» в современных условиях активации интеграционных процессов и межнациональных взаимодействий между представителями различных культур и языков. Авторы рассматривают политическую корректность как лингвополитический феномен, используемый правительствами стран и направленный на борьбу с дискриминацией, расовыми предрассудками и поддержание прав меньшинств в мультикультурном обществе.

Ключевые слова: межнациональное взаимодействие, дискриминация, толерантность, свобода слова, политика мультикультурализма, стандарты.

Глобализация привела к росту международных контактов и активизации интеграционных процессов. В таких условиях становится невозможным игнорировать проблемы межкультурного и межнационального взаимодействия. Именно этим обусловлена популярность феномена политкорректности, который призван упростить общение представителей разного этнического и социального происхождения. В современном глобальном мире особое значение приобретает установление эффективного общения между представителями различных стран и культур, что, в свою очередь, возможно при условии толерантного и уважительного отношения к людям независимо от их социального положения и этнической принадлежности.

Политкорректность (*англ.* political correctness) – это сложный социокультурный феномен, который описывает язык, политику и меры, предназначенные для того, чтобы не допустить оскорбления какой-либо социальной группы [Friedman 1995: 153].